
Александра Реген
Исключение

Александра Реген

Исключение

«Автор»
2026

Реген А.

Исключение / А. Реген — «Автор», 2026

Дани не чувствует эмоций. После аварии она живёт по инструкции: пункт седьмой — держать дистанцию, пункт двенадцатый — отойти на два метра. Она не плачет, не смеётся, не злится. Она анализирует. Записывает наблюдения в блокнот. Это работает — пока она не становится личным ассистентом Кристиана Винтера.Кристиан привык получать всё быстро. Но Дани не вписывается ни в один его сценарий. Она застёгивает ему рубашку как чемодан и говорит: «Вам подойдут синие трусы» с тем же лицом, с каким обсуждает отчёт.Она не чувствует. Но её пальцы дрожат, когда он рядом. Её пульс — сто двенадцать, когда она касается его руки. Её блокнот полон записей: «Кристиан — исключение. Я проверяла».И однажды она сделает ему предложение сама — потому что это логично. А он ответит: «Я репетировал речь перед собакой».История о том, что любовь — это не всегда эмоции. Иногда это выбор. Осознанный, точный, подтверждённый данными.

© Реген А., 2026
© Автор, 2026

Исключение

Аннотация

Дани не чувствует эмоций. После аварии она живёт по инструкции: пункт седьмой — держать дистанцию, пункт двенадцатый — отойти на два метра. Она не плачет, не смеётся, не злится. Она анализирует. Записывает наблюдения в блокнот. Это работает — пока она не становится личным ассистентом Кристиана Винтера.

Кристиан привык получать всё быстро. Но Дани не вписывается ни в один его сценарий. Она застёгивает ему рубашку как чемодан и говорит: «Вам подойдут синие трусы» с тем же лицом, с каким обсуждает отчёт.

Она не чувствует. Но её пальцы дрожат, когда он рядом. Её пульс — сто двенадцать, когда она касается его руки. Её блокнот полон записей: «Кристиан — исключение. Я проверяла».

И однажды она сделает ему предложение сама — потому что это логично. А он ответит: «Я репетировал речь перед собакой».

История о том, что любовь — это не всегда эмоции. Иногда это выбор. Осознанный, точный, подтверждённый данными.

Пункт 1. Система

Стеклянная дверь душевой кабинки со звонким щелчком встала на магниты. Кристиан стряхнул с плеч последние капли воды и потянулся за махровым полотенцем, даже не взглянув на своё отражение в запотевшем зеркале. Пар оседал на хромированных смесителях, делая их влажными и холодными на ощупь. Он насухо вытер короткие волосы, бросил полотенце в корзину и шагнул в спальню, где воздух был тяжёлым от духов и ещё не выветрившегося жара их тела.

Томный голос Кати щебетал о том, какой сегодня был потрясающий вечер и как ей нравится, что он вообще появился в её жизни. Она говорила и говорила, не замечая, что он её не слушает, передвигаясь по комнате, одеваясь: брюки, ремень, носки, часы на запястье. Пиджак висел на спинке кресла, рубашка была на Кате, и он не собирался спорить. Он подошёл к окну, почти готовый к выходу, и остановился, глядя на пустую ночную улицу.

Мысли уже были там, в кабинете: схемы, цифры, возражения, которые могут возникнуть у партнёров. Он перевёл взгляд на телефон. Надя, секретарь, скинула файл с правками к завтрашнему совету. Надо будет глянуть, пока водитель везёт в офис.

— Милый, ты такой напряжённый, — услышал он сквозь свои мысли. — Может, останешься? Кофе сварим, я закажу круассаны… Ты ведь любишь круассаны?

Конечно, она не знала, что он не ест сладкое по утрам. Она вообще ничего о нём не знала. Она просто хотела, чтобы он остался. Как и все до неё. Он устал от этих вечеров — одинаковых, пустых, где его видели не человека, а статус. И каждый раз он уходил с чувством, что оставляет после себя не тепло, а пустоту. Но он не знал, как иначе.

Как предсказуемо, — подумал он, опуская взгляд на часы. Алексей опаздывал на двадцать минут. Вино, выпитое два часа назад, всё ещё давало о себе знать, и если бы не эта оплошность, он бы уже давно был дома.

От этих мыслей его отвлекло движение на кровати. Чёрт! Он знал, что сейчас будет. Слишком предсказуемо. Слишком… Её руки обхватили его за талию, пальцы скользнули по животу, а затем потянулись к ремню. Он почувствовал её дыхание на своей спине. Он не обернулся. Просто положил свою ладонь поверх её рук, останавливая.

— Мы закончили, — сказал он тихо.

Она не обиделась, лишь прижалась теснее.

Когда же приедет Лёша? — мелькнуло у него в голове.

Звонок в дверь. Короткий. Настойчивый.

Лёша всегда стучит!

Она с неохотой отошла от него, поправляя его рубашку: «Я никого не жду». Зато он ждал.

Кристиан повернулся. Он слышал, как Катя идёт к двери, босиком, недовольно. Слышал, как щёлкает замок. Потом её голос — растерянный:

— А вы кто?

И второй голос. Холодный. Ровный.

— Я за Кристианом.

— В смысле? А как же завтрак? Он же собирался остаться…

Кристиан услышал это и внутренне усмехнулся. Он не собирался оставаться. Он вообще не обсуждал с ней завтрак. Она сама придумала эту идею и уже успела в неё поверить. Он покачал головой. Слишком предсказуемо.

Но гостья не ответила. Он слышал шаги — лёгкие, уверенные, идущие прямо в спальню. Она появилась в дверях. Светлые волосы, низкий хвост, зелёные глаза. Она не улыбалась, не здоровалась. Она просто смотрела на него.

— Алексей не смог приехать, — сказала она. — Он попросил меня забрать тебя. Я Дани.

— Дани? — он усмехнулся, убирая руки в карманы брюк. — И ты всегда врываешься в чужие квартиры в два часа ночи?

— Только в те, где остаются твои вещи.

Она быстро оглядела комнату. Взгляд скользнул по тумбе, креслу, подоконнику. Телефон, ключи от «Майбаха», кошелёк — всё исчезло в её кармане за несколько секунд. Она даже не посмотрела на Катю, которая демонстративно села на кровать в его рубашке и хмуро наблюдала за действиями Дани.

Дани повернулась к Кристиану. Окинула взглядом его голый торс.

— Где твоя рубашка?

Кристиан улыбнулся — медленно, с той самой ленцой. Кивнул в сторону кровати.

— На ней.

— Она моя, — сказала Катя, сжимая ткань у горла. — И я не отдам.

Кристиан уже хотел сказать: «Оставь, не важно», — чтобы просто уйти и не тратить время. Но Дани уже подошла к кровати, взяла простыню и бросила её в Катю одним движением.

— Рубашка была куплена на средства, которые не имеют отношения к вам. Ваше владение ею не является активом. Это временное пользование, которое подлежит возврату по первому требованию владельца. Если вы считаете иначе, вы можете оспорить это в суде, но учтите: устные соглашения не имеют юридической силы. Передайте рубашку.

Катя сглотнула, посмотрела на Кристиана, ища поддержки. Он развёл руками — мол, я ни при чём. С недовольным ворчанием она стянула рубашку, прикрылась простынёй и швырнула её в Дани. Дани ловит.

Она подошла к Кристиану вплотную, он засунул руки в рукава, надевая рубашку. Она сразу застёгивает пуговицы снизу вверх — быстро, профессионально, не глядя на него.

— У тебя холодные руки, — заметил он тихо.

— Это помогает работать быстрее, — ответила Дани, застёгивая последнюю пуговицу и отступая на шаг.

Она окинула его взглядом, заметила пиджак на кресле, забрала и подала Кристиану. Развернулась к выходу:

— На выход.

На пороге спальни Кристиан усмехнулся:

— Впервые меня из квартиры пассии выводит другая девушка. — Проходя мимо неё, он усмехнулся. — Ты ставишь рекорды.

— Если будешь так делать, — ответила Дани, пропуская его вперёд, — эти сцены будут повторяться часто.

Уже у входной двери их догнала Катя — растрёпанная, в одной простыне, глаза горят:

— Кристиан, ты не можешь просто так уйти! Я же… я думала, у нас может что-то быть!

Кристиан открыл рот, но Дани обернулась первой.

— У вас был устный договор. Следовало читать, прежде чем подписывать.

Катя застыла, смотрит на Кристиана. Он разводит руками, улыбаясь:

— Дани права. Нужно было читать договор.

И шагает за дверь. Дверь закрывается.

Они вышли из подъезда. Ночной воздух ударил в лицо — влажный, прохладный, с запахом мокрого асфальта и уходящего лета. Кристиан вдохнул полной грудью, чувствуя, как лёгкие наполняются чистотой, вытесняя из головы приторный аромат ванили и её духов. Последние слова Кати затихли за закрытой дверью, растворяясь в ночи.

Чёрный «Майбах» стоял у самого тротуара. Кристиан заметил, что Дани уже стоит у водительской двери — она успела обойти машину, пока он думал о своём. Она ждала, пока он сядет. На её лице — ни тени эмоций. Просто факт: она здесь, она за рулём, он садится.

Он открыл переднюю пассажирскую дверь и опустился на сиденье. Дани не тронулась с места. Она повернулась к нему, скользнула взглядом по его плечу, где ремень безопасности остался не застёгнутым. Не говоря ни слова, протянула руку, перегнулась через него, достала ремень и с тихим щелчком застегнула его.

Кристиан замер. Её рука была близко, почти касалась его груди, но она не смотрела на него. Она сделала это так, будто поправляла вещь на полке.

— Я мог бы сделать это сам, — сказал он, когда она откинулась обратно.

— Ты не сделал, — ответила она ровно.

Она перевела взгляд на зеркала. Поправила левое. Потом правое. Потом центральное — на миллиметр. Её руки легли на руль — правильно, десять и два.

— Маршрут перестроен, — сказала она ровно, глядя вперёд. — Время прибытия — двадцать три минуты.

Кристиан замер. Она сказала это так, будто была голосом навигатора. Без эмоций. Без улыбки. Просто констатировала факт.

— Ты сейчас… сказала 23 минуты? — спросил он.

— Это точные данные, — ответила она, не поворачивая головы. — И я всегда называю точное время.

Она тронулась с места, и Кристиан смотрел на неё, чувствуя, как внутри закипает что-то новое. Она была странной. Необъяснимой. И это начинало ему нравиться.

Она вела машину одной рукой, положив другую на рычаг коробки передач, и смотрела вперёд, как будто дорога сама собой читалась у неё в голове. Кристиан наблюдал за ней — острый подбородок, чуть вздёрнутый нос, длинные ресницы. Она не выглядела уставшей, хотя знал, что сейчас два часа ночи, и у неё тоже должен был быть длинный день.

— Ты всегда так внимательно следишь за дорогой? — спросил он, просто чтобы нарушить тишину.

— Безопасность — приоритет, — ответила она ровно. — Пункт 12 инструкции. Я следую инструкции.

— И что ещё в этой инструкции? — спросил он, подаваясь вперёд. — Что там про меня?

Дани молчала несколько секунд. Потом сказала — без улыбки, без эмоций, просто констатируя факт:

— Пункт 7: держать дистанцию. Пункт 14: не принимать на личный счёт. Пункт 23: проверять факты, а не доверять эмоциям.

Кристиан замер. Она перечислила это так, будто читала вслух. По её лицу он понял — она не шутила.

— И сейчас ты применила пункт 23? — спросил он тихо.

— Да, — ответила она.

Она не усмехнулась. Не улыбнулась. Просто констатировала факт.

Дани вела точно по навигатору, который даже не включила — она просто знала дорогу. Город проплывал мимо. Фонари, витрины, редкие машины на встречной полосе.

Она остановилась у его дома ровно через 23 минуты — большого, стеклянного, стоящего на набережной. Кристиан вышел из машины, и дверь за ним закрылась с тем же глухим звуком, который он так любил.

Она опустила стекло и протянула ему телефон и кошелёк.

— Твои вещи, — сказала она ровно.

Кристиан взял их, чувствуя, как её холодные пальцы на секунду задерживаются на его ладони — случайно или нет, он не понял.

— Ключи остаются у меня, — добавила она. — Завтра я приеду в восемь утра. Заберу тебя и привезу свои вещи. Подготовь комнату.

Кристиан остановился на полпути к дому. Обернулся.

— Ты уже решила, что будешь жить здесь?

— Алексей сказал, что это часть условий, — ответила она. — Я согласилась. Завтра я переезжаю.

— И ты не спросила меня?

— Ты не возражал.

Она сказала это так, будто констатировала факт, и Кристиан понял, что она права. Он не возражал. И, если честно, уже не хотел.

— Комната будет готова, — сказал он.

Дани кивнула, и стёкла поднялись. «Майбах» бесшумно развернулся и исчез в ночи.

Кристиан стоял на пороге своего дома и смотрел на удаляющиеся огни. Он не знал, что чувствует — раздражение, любопытство или предвкушение. Но он знал, что завтра она вернётся. И что-то в этом было правильное.

Он вошёл в дом и уже на ходу набрал номер управляющего:

— Подготовьте комнату на втором этаже. Гостевую. Чтоб там было всё для нормальной жизни. Завтра там будет жить новый ассистент.

Он сбросил вызов, поднялся в свою спальню и, уже стоя у окна, смотрел на ночное небо.

Она не спросила, кто такая Катя. Она не посмотрела на его торс. Она просто сделала свою работу.

И это бесило его больше, чем если бы она влюбилась с первого взгляда.

Из блокнота Дани. Запись №1

Я забрала его из чужой квартиры в два часа ночи. На нём не было рубашки. Женщина по имени Катя утверждала, что он останется на завтрак, но я определила по его позе, что он ждал, когда его заберут: он стоял у окна, в брюках и с часами на запястье, и смотрел на улицу. Рубашка была на Кате. Я вернула рубашку. Застегнула пуговицы. Он сказал, что у меня холодные руки. Я ответила, что это помогает работать быстрее. Это правда: холодные пальцы не соскальзывают. Но он не спрашивал про пуговицы. Он спрашивал про меня. Я не знаю, что это значит.

Я пристегнула его ремень безопасности. Сказала: «Маршрут перестроен. Время прибытия — двадцать три минуты». Он повторил: «Двадцать три минуты?» — так, будто точность удивила его больше, чем всё остальное. Хотя странного было много: я забрала его от

полуголой женщины, вернула рубашку, назвала точное время. А он удивился не этому. Он удивился цифрам.

Завтра я переезжаю. Пункт первый: выполнить задачу. Пункт второй: не вовлекаться. Я выполнила первый. Со вторым, кажется, будут сложности. Я записала это, чтобы проверить позже.

Пункт 2. Анализ

Она ворвалась в мою жизнь, как вирус в систему, который не требует разрешения. Просто появилась и начала работать. В первый же день она переписала моё расписание так, будто знала меня десять лет. Я хотел возразить, но она уже ушла.

Через неделю она знала, где лежит каждая моя рубашка, какие встречи я могу перенести, а какие нет, и как мне лучше завязать галстук, чтобы выглядеть не как президент холдинга, а как человек, который хотя бы раз в жизни смотрел на себя в зеркало.

Она вела мои переговоры. Не вслух, нет. Она просто сидела рядом, слушала, а потом, когда все уходили, пересказывала мне суть коротко и ясно. Без воды. Без «ну, он сказал, что…». Просто: «Он согласен, если мы уступим в сроках». Я не знал, как она это делает. Но это работало.

На совещаниях она молчала, но я видел, как она записывает что-то в свой блокнот. Когда я спрашивал, что там, она отвечала: «Заметки». Я не проверял. Но почему-то я знал, что она уже всё поняла до того, как я открыл рот.

Она полностью захватила власть за рулём моей машины. Я садился на пассажирское сиденье, она поправляла зеркала — даже те, которые я всегда оставлял как есть, — и вела так, будто этот «Майбах» принадлежал ей с рождения. Я перестал спрашивать, как она узнала дорогу. Она просто знала.

И она оставалась такой же безэмоциональной, как в первый день. Ни улыбки, ни вздоха, ни «как хорошо», ни «как плохо». Просто делала свою работу. Я начал думать, что у неё нет чувств. Но она просто не показывала их.

Однажды я не выдержал.

Она стояла передо мной, завязывая галстук. Новым узлом. Каким-то модным, сложным, который я сам не смог бы повторить даже под дулом пистолета. Я смотрел на её пальцы, которые двигались быстро, уверенно, и в голове что-то щёлкнуло.

— Может, ты мне ещё и трусы будешь выбирать к цвету глаз?

Я сказал это в сердцах. Просто чтобы сказать. Просто чтобы она хоть как-то отреагировала.

Она закончила завязывать узел, поправила воротник, посмотрела на меня своим ровным взглядом — и сказала:

— Синие.

Я замер.

— Что?

— Вам подойдут синие трусы. — Она поправила край воротника. — Но если хотите выглядеть строже, тогда чёрные.

— А если я надену синие, — я улыбнулся, всё ещё глядя на неё в зеркало, — ты заметишь?

Она на мгновение замерла. Её пальцы чуть сильнее сжали блокнот. Затем она вышла, не ответив.

Я стоял у зеркала, смотрел на свой галстук и не знал, смеяться мне или злиться. Она ответила на вопрос, который я задал в сердцах, как на запрос отдела закупок. Без эмоций. Без улыбки. Просто факт.

Я усмехнулся, поправил узел и пошёл на встречу. Галстук был идеальным.

Но я ещё не знал, что она записала в блокнот, когда выходила. И не хотел знать.

После того дня я стал за ней наблюдать.

Сначала просто чтобы понять, как она работает. Потом — чтобы понять, как она дышит. Как поправляет рукав, когда думает. Как смотрит в блокнот, прежде чем что-то сказать. Она была странной, но я не мог отвести взгляд.

Она готовила мою одежду, как стилист с десятилетним стажем: рубашки висели в идеальном порядке, галстуки подобраны к костюмам, ботинки начищены до блеска. Я перестал думать о том, что надеть. Она уже решила за меня.

На встречах она сидела рядом и молчала. Но её взгляд скользил по лицам партнёров, по их жестам, по тому, как они дышали. Иногда я замечал, что она записывает что-то в блокнот, но когда я спрашивал, что именно, она отвечала: «Впечатления». Я не спрашивал больше.

Она знала, когда мне нужен кофе, когда я хочу остаться один, когда я готов слушать, а когда нет. Я не говорил ей этого. Она просто знала.

И однажды я не выдержал.

Я говорил по телефону. Обычно я умею держать себя в руках, но эти документы нужны были мне ещё вчера, и я гаркнул так, что, казалось, окна задребезжали. Я слушал пламенную речь о том, как они сожалеют, как всё исправят, — и уже собирался ответить что-то резкое...

Дани посмотрела на меня, потом на свои ноги, потом снова на меня… Будто что-то высчитывала.

— Пункт 12, — сказала она. — Если человек повысил голос — отойти на два метра.

И сделала два шага назад. Ровно два. И остановилась.

Наверное, впервые я потерял мысль. И забыл, что говорю по телефону.

— Дани, что ты делаешь?

— Соблюдаю инструкцию, — ответила она ровно. — Это безопасная дистанция.

— С кем?

— С любым, кто повышает голос.

— Даже со мной?

— Даже с тобой.

Я смотрел на неё и не знал, что сказать. Она стояла в двух метрах от меня, прямая, как линейка, и смотрела на меня без тени страха.

— Послушай, — сказал я, стараясь говорить тише. — Если я кричу, это не значит, что я опасен. Поэтому можешь не бояться.

— Я не боюсь.

— Тогда не надо бегать от меня по всему офису из-за того, что я повысил голос.

Она моргнула. Подумала.

— Мне это записать?

— Да, — сказал я. — Запиши: Кристиан — исключение.

— Хорошо, — сказала она и записала в блокнот: «Кристиан — исключение».

Я смотрел на неё, на её блокнот, на её ровное лицо, и внутри меня что-то переворачивалось. Она стояла в двух метрах от меня, и я чувствовал себя глупо.

— Возвращайся, — сказал я. — Я больше не кричу.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Остановилась в полуметре от меня.

— Проверено, — сказала она. — Расстояние сокращено. Система стабильна.

Я хотел сказать что-то резкое, но не смог сдержать улыбку. Она была странной, неудобной, необъяснимой.

И это начинало мне нравиться.

Из блокнота Дани. Запись №2

Первая неделя. Я переписала его расписание. Он пытался возразить, но я уже вышла. Он не привык, чтобы его расписание переписывали. Я это заметила — он сжал ручку под другим углом. Угол наклона ручки — индикатор раздражения. Я записала это в наблюдения. Возможно, пригодится.

Сегодня он спросил, не буду ли я выбирать ему трусы к цвету глаз. Это был сарказм. Я поняла это по интонации — она была выше обычного на полтона. Я ответила: «Синие». Я не шутила. Синий подходит к его глазам. Я заметила это в первый вечер — цвет как небо перед грозой. Оттенок сложный, не просто голубой. Я не записала это тогда. Теперь записываю.

Он спросил, замечу ли я, если он наденет синие. Я не ответила. Но пальцы сжали блокнот сильнее обычного. Он заметил — он смотрел в зеркало. Я знаю, что он смотрел. Я тоже смотрела.

Позже я применила пункт 12 — отошла на два метра, когда он кричал по телефону. Он сказал: «Запиши: Кристиан — исключение». Я записала. Это новый пункт. Я никогда не делала исключений для людей. Для него — сделала. Я ещё не понимаю, что это значит. Но я проверю.

Пункт 3. Сбой

Пятница. Вечер. Я выдохнул, когда мы вышли из клуба.

Нет, не того клуба, где можно было бы нормально отдохнуть. Того, где надо улыбаться, пожимать руки и делать вид, что тебе интересно, о чём говорят люди, чьи имена ты забудешь через пять минут. Дани была рядом — как всегда, как моя тень, которая не отстаёт, но и не мешает. Она стояла у бара, держала в руках бокал с водой и сканировала зал так, будто это была зона военных действий.

Когда мы вышли на улицу, я почувствовал облегчение. Прохладный воздух ударил в лицо, и я понял, что выпил чуть больше, чем планировал. Не так, чтобы на ногах не стоять, но голова уже гудела, а язык становился тяжелее, чем хотелось бы.

— Ты выпил больше нормы, — сказала Дани, когда я сел в машину и уронил голову на спинку сиденья.

— Я в порядке.

— Ты выпил на два бокала больше, чем я зафиксировала в твоём графике, — ответила она, не глядя на меня, поправляя зеркала. — Пункт 14: контроль потребления алкоголя в рабочие дни.

— Сегодня не рабочий день. — я застонал, но без злости, скорее устало.

— Пункт 14 действует всегда.

Я хотел возразить, но язык не слушался. Вместо этого я просто усмехнулся и откинулся на сиденье.

— Ты когда-нибудь устаёшь быть такой занудой?

— Я не зануда, — ответила она, тронувшись с места. — Я эффективна.

Я смотрел на её профиль, на то, как она ведёт машину, как поправляет рычаг передач, как её пальцы сжимают руль, и думал: «Чёрт, она реально не устаёт». Ей было всё равно, что я пьян, что я устал, что я просто хочу тишины. Она делала свою работу.

Мы подъехали к дому. Она заглушила мотор и повернулась ко мне с тем же ровным лицом.

— Приехали. Ты можешь выйти.

— Могу, — сказал я. — Но не хочу.

Она моргнула.

— Почему?

— Потому что мне нравится наблюдать за тем, как ты злишься, когда я не делаю то, что ты сказала. — я сказал это скорее по инерции, но внутри уже понял: она не злится. Она вообще не показывает эмоций. И это бесило меня сильнее, чем если бы она кричала.

Она не ответила. Она просто ждала, когда я выйду.

Я вздохнул, открыл дверь и шагнул в прохладный вечер. Дани вышла следом, закрыла машину, и мы пошли к дому.

— Ты сегодня была на высоте, — сказал я, когда мы подходили к двери. — Хоть и зануда.

— Это моя работа, — ответила она.

— А если я скажу, что хочу, чтобы ты была не просто работой?

Она остановилась. Посмотрела на меня.

— Это нарушает пункт 7: держать дистанцию.

— Я — исключение, — напомнил я.

Она смотрела на меня несколько секунд. Потом сказала:

— Ты не исключение. Ты просто пьян.

Я хотел что-то ответить, но в этот момент входная дверь дома распахнулась.

— Ну наконец-то! — раздался знакомый голос. — Я уж думала, вас не будет до утра.

На пороге стояла бабушка. В лёгком свитере, тёплых легинсах и домашних тапочках. Рядом с ней — Бакс. Пёс вилял хвостом, смотрел на меня так, будто я вернулся из армии, и явно собирался лизнуть меня прямо в лицо.

— Ба? — я замер. — Ты когда вернулась?

— Час назад, — она широко улыбнулась. — Решила проведать внука.

— Ты сказала, что уезжаешь в горы на два месяца.

— Так я и уезжала, — пожала она плечами. — А теперь я здесь. Бакс соскучился по своему вечно занятому хозяину, — слишком отчётливо я услышал её упрёк.

Бакс рванул вперёд и, лизнув меня в руку, переключился на Дани. Она замерла, глядя на пса, который тёрся о её ноги и вилял хвостом.

— А это, вижу, та самая Дани, — бабушка перевела взгляд на неё. — Ну, показывай. Не стой как столб. Дай я на тебя посмотрю.

Дани смотрела на неё, потом на меня, потом снова на бабушку.

— Я — Дани. Ассистент Кристиана.

— Ассистент, — усмехнулась бабушка. — И где вы сейчас были?

— На мероприятии, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал трезво. — Работа.

— Работа, — повторила она с лёгкой усмешкой. — Да, я вижу, как ты работаешь.

— Ба, не начинай. — я закатил глаза, но беззлобно.

— Я и не начинаю. — Она перевел, а взгляд на Дани и улыбнулась. — Ну что, девочка, проходи. У нас тут сейчас очень шумно и весело.

Дани вошла в дом, Бакс — за ней, виляя хвостом. Бабушка пропустила её вперёд, а когда я попытался пройти следом, остановила меня.

— Ты, — сказала она. — А ты, я смотрю, решил провести вечер с пользой.

— Я в порядке.

— Ты пьян, — сказала она спокойно, без осуждения, как будто констатировала факт, который не требует обсуждения. — Я надеюсь, ты не собираешься предлагать ей составить тебе компанию?

— Ба!

— Что «ба»? Ты меня знаешь. Я всё вижу. И она мне нравится, — добавила она, кивая в сторону гостиной. — Но, если ты испортишь всё своим пьяным флиртом, я тебя собственноручно заставлю жить в гараже.

— Ты живёшь в своём доме!

— Я живу в своём доме, но без проблем могу выселить кое-кого из его дома в гараж. — Она сказала это с такой уверенностью, что я на мгновение задумался: а она действительно может? Но вспомнил, что гараж давно забит старыми вещами, и это была просто шутка. Бабушкина, фирменная.

Я вздохнул, понял, что спорить бесполезно, и прошёл в дом. Бакс уже сидел у ног Дани, смотрел на неё с обожанием. Она стояла, не зная, что делать с псом, и смотрела на меня с лёгкой растерянностью.

— Мы взяли его пару лет назад, — сказал я, подходя ближе. — Он чувствует, кто его любит.

Дани смотрела на пса, потом на меня.

— Это животное, — сказала она. — Я не могу его любить. Это неэффективно.

— А он тебя уже полюбил, — усмехнулась бабушка, заходя следом.

Дани моргнула, глядя на пса, который продолжал вилять хвостом и смотреть на неё с обожанием.

— Это нарушает пункт 14: не принимать на личный счёт.

— У тебя есть пункт про собак? — спросил я.

— Ты понимаешь, что это не шутка? — сказала она.

— Понимаю. Но Бакс — исключение. — Я подмигнул. — Как и я.

Она смотрела на меня, потом на пса, который лизнул её в ладонь, и сказала:

— Это становится привычкой.

Бабушка расхохоталась в голос.

— Дани, иди сюда, — сказала она. — Я тебя накормлю. У тебя, наверное, даже ужина не было.

Я смотрел, как бабушка ведёт её на кухню, как Бакс идёт следом, и чувствовал, как внутри меня закипает что-то новое. Она была странной, неудобной, необъяснимой. И это начинало мне нравиться.

Я постоял в коридоре ещё несколько секунд, прислушиваясь к голосам из кухни. Бабушка что-то рассказывала — кажется, про свои лыжные приключения, — а Дани отвечала коротко, но без той ледяной отстранённости, с которой говорила в машине.

Я не пошёл за ними.

Вместо этого я поднялся к себе, скинул пиджак и сел на край кровати. Голова всё ещё гудела, но мысли были уже не о работе. Они были о ней. О том, как она поправила зеркала. Как застегнула мою рубашку. Как сказала: «Это становится привычкой».

Я провёл рукой по лицу и усмехнулся.

Привычкой.

Она говорила о Баксе. Но я вдруг понял: она сама уже стала привычкой. Я привык, что она рядом. Что она молчит, когда я устал. Что она говорит, когда я готов слушать. Что она завязывает мой галстук так, как не умел никто до неё.

Я не знал, когда это случилось.

Но знал: если она уйдёт — мне будет её не хватать.

А это было опаснее, чем любой контракт.

Из блокнота Дани. Запись №3

Он выпил на два бокала больше нормы. Я зафиксировала это и сообщила ему. Он сказал, что я зануда. Я ответила, что я эффективна. Он смотрел на меня из пассажирского кресла и улыбался — той улыбкой, которую я пока не могу классифицировать. Она не похожа на деловую. И не похожа на ту, которой он улыбался Кате.

У дома он сказал: «А если я хочу, чтобы ты была не просто работой?» Я напомнила про пункт 7. Он сказал: «Я — исключение». Я ответила, что он просто пьян. Это было рационально. Пьяные люди говорят то, чего не помнят наутро. Я не хотела, чтобы он забыл.

В доме появились новые переменные: бабушка и собака. Бабушка сказала, что я ей нравлюсь. Собака положила голову мне на колени и лизнула руку. Кристиан сказал, что пёс чувствует тех, кто его любит. Я ответила, что не могу любить животное — это неэффективно. Но когда Бакс лизнул мою ладонь, я не отдёрнула руку. Я записала это. Возможно, это важно.

Он сказал: «Бакс — исключение. Как и я». Он подмигнул. Я не знаю, что значит подмигивание в этом контексте. Я проверю.

Пункт 4. Граница

Утро вторника началось как обычно. Кристиан сидел за столом, просматривал почту и пролистывал утреннюю сводку, когда взгляд зацепился за строку: контракт с «ИнТех» — предложение, которое он ждал уже две недели. Компания была перспективной, но условия, которые они выдвигали, требовали жёстких переговоров. Именно поэтому он согласился на встречу — не потому, что верил в «ИнТех» а потому что хотел сам оценить, с кем придётся иметь дело.

Дани бесшумно появилась в дверях и поставила перед ним чашку с капучино, как он любил.

Не поднимая головы от почты, пробормотал:

— Спасибо.

Она не ответила. Просто кивнула и отошла к своему столу. Он заметил, что она снова что-то записала в блокнот, но не стал спрашивать — знал, что ответ будет коротким и ровным.

Он уже привык, что она появляется в нужный момент, не спрашивая. Это стало частью его дня — её присутствие, её бесшумные движения, её блокнот, в который она что-то записывала каждые полчаса.

— В час дня у тебя встреча. Максим Захаров из «интех». Контракт на поставку. Я подготовила документы, они лежат в синей папке.

Он поднял взгляд. Она стояла ровно, с блокнотом в руках, и смотрела на него без ожидания, но в голосе, когда она говорила о встрече, чувствовалась лёгкая теплота, которую он замечал в последние дни.

— Когда ты успела? — с удивлением спросил он.

— Утром, пока ты спал.

Он усмехнулся, вспомнив выходные.

Бабушка успела завоевать Дани своими пирогами, а Бакс вообще не отходил от неё ни на шаг. Кристиан наблюдал за ними из кресла, притворяясь, что читает новости, и заметил, как изменилось лицо Дани, когда пёс положил голову ей на колени. Она замерла на мгновение, потом медленно, неуверенно провела рукой по его шерсти. Бакс довольно заурчал и прикрыл глаза.

— Почему ты назвал его Баксом? — спросила она тогда, не поднимая глаз.

Кристиан замер. Он не ожидал такого вопроса от неё. Это было слишком лично. Слишком… тепло.

— Потому что он ценный актив, — ответил он после паузы. — Как доллар.

Дани подняла на него взгляд. В нём мелькнуло что-то новое — не вопрос, не удивление, а что-то, чему он не мог найти названия.

— Тогда ты Цент? — сказала она тихо.

Цент. Ниже доллара. Она назвала его ниже собственной собаки. И он не знал, смеяться ему или злиться. Но она смотрела на него так ровно, что он понял: она не шутит. Она просто применила его логику к нему самому. И это было… странно.

Он не ответил. Но внутри что-то дрогнуло.

Он вспомнил это сейчас, сидя в кабинете. Как она смотрела на Бакса. Как её пальцы осторожно касались его шерсти. Как она сказала: «Он теплый, как ты».

И ему почему-то стало хорошо от этого воспоминания.

Он перевёл взгляд на часы. До встречи с Максимом оставалось полчаса. И он вдруг поймал себя на мысли, что ему хорошо от того, что она рядом.

Ровно в час дня Дани открыла дверь кабинета и пропустила внутрь Максима Захарова.

Он вошёл с таким видом, будто сам был владельцем здания, а не просто пришёл обсудить контракт. Быстро окинул взглядом обстановку, оценил кресло и сел в него, разложив бумаги так, будто главным здесь был он.

— Ну что, Кристиан, — сказал он с лёгкой фамильярностью, — давай обсудим наш контракт.

Кристиан откинулся на спинку кресла и, приподняв бровь, произнёс:

— Кристиан Александрович, — произнёс он твёрдо и с холодом в голосе.

— Что? — Максим осекся, подняв взгляд.

— Кристиан Александрович, — повторил Кристиан.

В этот момент Дани бесшумно поставила перед ним чашку с кофе — вовремя, как всегда. Она встала рядом с блокнотом, готовая записывать. Максим прокашлялся и начал говорить — сухо, по делу, но то и дело бросал взгляды на неё. Слишком часто. Слишком пристально. Максиму она кофе не предложила.

Кристиан слушал, периодически задавая вопросы и сверяясь с документами, когда Максим обратился к Дани:

— Даниела, — вдруг сказал Максим, поворачиваясь к ней, — я слышал, что ты всё ещё ходишь к тем психологам. Но твоя проблема, как я погляжу, так и не исправлена.

Кристиан медленно поднял взгляд от бумаг, чтобы ответить, когда услышал голос Дани — ровный и холодный:

— Пункт 22. Не обсуждать личное в рабочее время.

Максим хмыкнул, явно не ожидая отпора. Но Кристиан уже не слушал его. Он смотрел на Дани и чувствовал, как внутри закипает что-то новое. Она не спорила. Не оправдывалась. Просто поставила границу. И он понял: он на её стороне.

— Дани — мой ассистент, — сказал Кристиан ровно. — Мы здесь для обсуждения контракта. Если у вас есть вопросы по делу — я слушаю. Если нет — дверь там.

— Думаю, нам больше нечего обсуждать.

— В смысле? — Максим резко перевел взгляд на Кристиана. — Вас не устроил контракт?

— Контракт устроил. Вы нет.

Максим замер. На его лице промелькнула растерянность, а затем он усмехнулся, но в глазах уже не было прежней уверенности.

— Хорошо, — сказал он, собирая бумаги в папку. — Я передам, что вас не устроило.

— Не стоит, — Кристиан взял кружку и отпил свой чертовски вкусный кофе. — Я сам свяжусь с вашим начальством и сообщу о результатах.

Максим на мгновение замер, потом резко взял папку, повернулся к двери, но на пороге остановился и бросил взгляд на Дани:

— Как ты смогла получить работу, не имея эмоций, если даже я не смог этого?

И вышел.

Дверь закрылась. В кабинете повисла тишина.

Кристиан смотрел на дверь, которая закрылась за Максимом, и чувствовал, как внутри закипает злость. Но не на Дани. На этого человека, который позволил себе говорить с ней так.

Он повернулся к ней. Она стояла всё так же ровно, блокнот в руках, но впервые за месяц работы её взгляд был пустой.

— Почему он сказал «не имея эмоций»? — спросил Кристиан тихо.

Дани посмотрела на него. На её лице не было эмоций — только ровный, спокойный взгляд.

— Потому что я не умею их чувствовать, что делает меня эффективным работником.

Кристиан смотрел на неё несколько секунд. Она говорила ровно, как всегда. Но в этот раз он не хотел спорить. Он просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда продолжай быть эффективной.

Дани чуть склонила голову, будто приняла команду, и снова открыла блокнот, делая в нём очередную запись.

Кристиан отвернулся к окну и долго смотрел на город, не видя его.

Он думал о том, что сказал Максим. О том, что Дани не умеет чувствовать эмоции. Но он вспомнил, как она гладила Бакса в выходные. Как чуть заметно улыбнулась, когда бабушка сказала что-то смешное. Она не умела их чувствовать — или просто не показывала. Он не знал. Но он хотел узнать. И он понял: ему хочется стать тем, ради кого она сделает исключение.

Из блокнота Дани. Запись №4

Максим пришёл в офис. Он назвал Кристиана просто по имени, без отчества. Кристиан поправил его. Я заметила: когда он поправляет людей, его голос становится ниже на полтона. Это признак контроля. Он не повышает голос — он понижает. Это эффективнее.

Максим спросил про психологов. Сказал: «Твоя проблема не исправлена». Я ответила: «Пункт 22. Не обсуждать личное в рабочее время». Пульс: 65. Дрожи нет. Раньше его слова задевали меня. Я не чувствовала этого, но замечала по реакциям тела: пальцы сжимались, плечи поднимались. Теперь — ничего. Он стал нейтральным раздражителем. Как шум кондиционера. Как фон.

Кристиан смотрел на меня после того, как Максим ушёл. Он спросил, почему Максим сказал «не имея эмоций». Я ответила правду: я не умею их чувствовать. Он не стал спорить. Не стал жалеть. Просто кивнул и сказал: «Продолжай быть эффективной». Это было правильным ответом. Я оценила.

Но потом он отвернулся к окну и долго смотрел на город. Я не знаю, о чём он думал. Но я записала этот взгляд. Он смотрел не на город. Он смотрел внутрь себя. Возможно, он думал обо мне. Я проверю.

Пункт 5. Исключение

Приглашение пришло в пятницу утром. Кристиан сидел в гостиной с планшетом, просматривал почту и уже собирался закрыть её, когда глаза зацепились за строку: «Благотворительный вечер в пользу детского фонда. Приглашаем вас и вашу спутницу».

Он застонал.

Не потому что не хотел помогать детям. А потому что это означало: вечер, галстук, улыбки, люди, которые будут смотреть на него и ждать — чего-то. Денег. Внимания. Обещаний.

Он открыл телефон и начал листать контакты.

— Нет. Эта в прошлый раз пыталась познакомить меня с её мамой, — бормотал он. — Эта. Она вообще не говорит, только смотрит и ждёт, что я что-то сделаю. Эта... Она уже выбрала имя для наших будущих детей. Я её видел дважды.

Бабушка сидела в кресле напротив, слушала и улыбалась.

— Может, мне вообще не ехать? — спросил он, опуская телефон.

— Не вариант, — отозвалась бабушка. — Ты спонсор. Тебя там ждут.

Кристиан откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Я знаю. Поэтому и хочу, чтобы рядом был кто-то... Не такой.

— Какой — «не такой»?

— Кто не ждёт от меня ничего. Кто не смотрит на меня как на контракт. Кто просто будет стоять рядом и молчать, а не прикидывать, сколько карат я ей должен подарить.

Бабушка отложила вязание и посмотрела на него с той лёгкой насмешкой, которая всегда означала, что она знает больше, чем говорит.

— Могу я составить тебе компанию?

Кристиан приоткрыл один глаз.

— Ты? Серьёзно?

— Ну конечно. Но тогда я захочу, чтобы ты сделал кое-что для меня.

— Опять шантаж? — он сел прямо, с подозрением глядя на неё.

— Просто скажи адрес той кондитерской. Ну той, где ты покупаешь мои любимые пирожные.

Кристиан замер, потом выдохнул и закатил глаза.

— Ба...

— Что «ба»? Я хочу знать, где ты их берёшь.

— Ты не можешь есть их каждый день.

— Я и не каждый день. Но когда захочу, я должна знать, куда идти.

— Ты не пойдёшь туда. Ты будешь просить меня купить их.

— Конечно. Но теперь я буду знать, что просить.

Кристиан смотрел на неё, понимая, что попал в ловушку. Она знала, что он не скажет адрес. И она знала, что он купит пирожные.

— Я не скажу тебе адрес.

— Я знаю, милый. — Она улыбнулась. — Поэтому предлагаю другой вариант: возьми ту, которая не ждёт от тебя ни колец, ни квартир, ни обещаний. Ту, что просто будет рядом.

Она кивнула в сторону дивана.

Кристиан проследил за её взглядом.

Дани сидела на диване, поджав ноги, и читала книгу. Бакс лежал рядом, положив голову ей на колени, и иногда, когда она переворачивала страницу, поднимал голову и смотрел на неё, будто проверяя, всё ли в порядке. Она не замечала этого — или делала вид, что не замечает.

Кристиан смотрел на них и молчал.

— Она даже не знает, что ты смотришь, — тихо сказала бабушка. — Она не ждёт ничего. Она просто есть.

Кристиан не ответил. Он встал и подошёл к дивану.

— Дани.

Она подняла голову. Ровный взгляд, без удивления.

— Да?

— Ты поедешь со мной на благотворительный вечер. Сегодня вечером.

Она моргнула.

— Это рабочая встреча?

— Нет. Это вечер. Мне нужен спутник.

— Я ассистент, — сказала она, и в голосе не было ни обиды, ни неуверенности. Только факт. — Я не спутник.

— Ты — единственный человек, который не ждёт от меня ничего, — сказал он, и голос его прозвучал тише, чем он планировал. — Ты просто будешь рядом. Это всё.

Она смотрела на него несколько секунд. Потом взяла блокнот и открыла его.

— В разделе 2, — она замолчала, глядя в блокнот, потом подняла на него взгляд. — Прикосновения и телесный контакт. Мне нужно сделать для тебя исключение?

Он не ожидал этого вопроса. Она не спросила «зачем», не спросила «почему я». Она просто уточнила.

Он провёл рукой по волосам и выдохнул.

— Да. Тебе придётся держать меня под руку. И иногда я буду класть руку тебе на талию. Это... — он замялся. — Это часть игры. Я не хочу, чтобы это было неловко.

— Это временное исключение? — уточнила она, глядя на блокнот.

— Да.

Она записала что-то, потом подняла на него взгляд.

— Как долго длится вечер?

— Часа три. Может, четыре.

— Я добавлю, — сказала она и закрыла блокнот.

Кристиан стоял напротив неё и не знал, что сказать. Она не спросила, во сколько, где будет вечер, что ей надеть. Она просто приняла и записала.

— Дани.

Она подняла голову.

— Ты не спросила, во сколько.

— Ты скажешь, — ответила она.

И он не знал, смеяться ему или снова закатить глаза. Но внутри стало теплее.

Бакс поднял голову, посмотрел на Кристиана, потом снова положил её на колени Дани.

— Я подготовлю документы, — сказала она, поднимаясь. — И подберу тебе галстук.

Кристиан смотрел на неё. На то, как она встала, поправила блокнот, как Бакс нехотя убрал голову с её колен и посмотрел на неё с укоризной. Как она на мгновение задержала руку на его голове, прежде чем отойти.

Она не просила ничего.

И это было страшнее, чем если бы она попросила всё.

Бабушка смотрела на всё это из кресла. Она ничего не сказала. Просто улыбнулась и снова взяла вязание в руки.

— Кристиан.

Он обернулся.

— Она приедет с тобой на вечер, — сказала она спокойно. — Она будет держать тебя за руку. Она будет стоять рядом. И она не попросит ни кольца, ни квартиры.

Кристиан смотрел на неё.

— Это не значит, что ты не должен ничего делать, — добавила она, не поднимая глаз от вязания. — Это значит, что ты должен сделать то, что никто из них не просил.

Он не ответил. Он просто смотрел на дверь, за которой скрылась Дани, и чувствовал, как внутри что-то начинает меняться. Тише, чем он хотел бы признать.

Из блокнота Дани. Запись №5

Он пригласил меня на благотворительный вечер. Не как ассистента — как спутницу. Я уточнила: это временное исключение? Он сказал: «Да». Я записала.

Бабушка сказала ему взять ту, что ничего не ждёт. Он посмотрел на меня. Я в этот момент сидела на диване, и Бакс лежал у меня на коленях. Я не слышала их разговор — я читала книгу. Но я заметила его взгляд. Он смотрел на меня иначе, чем раньше. Не как на работника. Как на человека.

Я уточнила про прикосновения. Раздел 2 моего блокнота: телесный контакт. Я спросила, нужно ли сделать для него исключение. Он сказал: «Да. Тебе придётся держать меня под руку. И иногда я буду класть руку тебе на талию». Я записала: «Временное исключение для Кристиана». Я не знала тогда, что это исключение станет постоянным. Но я подозревала. Я всегда подозревала.

Бабушка сказала ему что-то ещё — я не слышала. Но когда я выходила, она посмотрела на меня и улыбнулась. Я не знаю, что значит эта улыбка. Но она была тёплой. Я записала это. Возможно, это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.